

A movie poster for the Russian film 'Night of the Purge'. The central figure is a young man, Nikita Tekin, shown in profile from the waist up. He is wearing a dark, ornate medieval-style tunic with a high collar and leather arm guards. He holds a sword that is glowing with bright blue and white energy. In the background, there is a large, dark stone castle with multiple towers and battlements. Several dark, hooded figures are visible in the misty air around the castle. The overall tone is dark and dramatic.

**БОРИСЛАВ ПЕПЕЛ
ВАЛЬПУРГИЕВОЙ
НОЧИ**

НИКИТА ТЕКИН

Никита Текин

**Борислав. Пепел
Вальпургиевой ночи**

«Автор»

2026

Текин Н.

Борислав. Пепел Вальпургиевой ночи / Н. Текин — «Автор»,
2026

Его мать — ведьма. Его оружие — правда. Его враг — сама
Тьма. Вальпургиева ночь. В Чёрном замке, что высится над проклятым
Темногорьем, ведьма Присцила рождает сына. Она даёт ему имя Борислав и
заносит над ним ритуальный нож — младенец должен стать жертвой, чтобы
подарить ей вечную молодость. Но клинок не может пробить кожу: в ребёнке
живёт сила трёх богатырей. Служанка крадёт дитя и бежит в Белогорье, где
князь решает сохранить мальчику жизнь. Проходят годы. Борислав растёт
изгоем, не способным контролировать свою мощь. Он невольно становится
причиной гибели девушки, что любила его, и эта рана не заживает. Но когда
ведьма похищает Анну, единственную, кто увидел в нём человека, а не
чудовище, Борислав отправляется в земли Тьмы.

© Текин Н., 2026

© Автор, 2026

Никита Текин

Борислав. Пепел Вальпургиевой ночи

БОРИСЛАВ. ПЕПЕЛ ВАЛЬПУРГИЕВОЙ НОЧИ

Жанр: тёмное славянское фэнтези, героический эпос, драма, приключения
Мир: Темногорье и Белогорье

ПРОЛОГ: ДИТЯ ТРЁХ СИЛ

Чертоги Присцилы, Темногорье. Вальпургиева ночь.

Небо над Чёрным замком вспарывали молнии — неестественные, багровые, они ветвились от горизонта до горизонта, точно трещины в куполе мироздания. Гром не грохотал, а выл, низко и протяжно, и вой этот отражался от чёрных шпилей, заставляя

дрожать витражи в узких окнах. Ветер нёс запах гари, мокрой шерсти и гниющих болот — дыхание Темногорья, густое, удушливое, оседающее на языке горькой пылью. На башнях хлопали рваные стяги с гербом ведьмы: змея, кусающая собственный хвост, и мокрая ткань хлестала по камню, точно крылья гигантской летучей мыши.

В главном зале, где каменный пол был вытерт коленями жертв до зеркального блеска, где в чашах из чёрного обсидиана металось пламя, отбрасывая на стены пляшущие тени, ведьма Присцила рожала сына. Воздух здесь был спёртым, пропитанным воском и старой кровью, и каждый вдох отдавал железом. Фрески на стенах, изображавшие сцены жертвоприношений, оживали в колеблющемся свете: нарисованные фигуры,

казалось, двигались, разевали рты в беззвучном крике.

Присцила не кричала от боли — она кричала от ярости. Голос её был подобен скрежету железа о камень, и он отражался от сводчатого потолка, заставляя факелы мигать. Младенец шёл наружу, разрывая плоть изнутри, потому что в нём уже жила сила трёх богатырей, не ушедших в Навь, а переродившихся в одном крошечном теле. Повитухи-колдуньи в серых балахонах, с лицами, изрезанными ритуальными шрамами, переглядывались с ужасом: из-под век младенца пробивалось золотистое свечение, а ручки сжимались в кулачки с такой мощностью, что крошились края алтаря, и каменная крошка сыпалась в лужицы масла.

Присцила нарекла его Борислав —

«борящийся за славу». Но славу она хотела забрать себе. Едва оправившись, она возложила младенца на жертвенный камень. Ритуальный нож, выкованный из обсидиана и пропитанный кровью девственниц, сверкнул в свете чаш — тёмное лезвие, по которому пробежали багровые искры. Удар. Но клинок отскочил, будто ударили о гранит, выбив сноп искр, и одна из них упала на руку Присцилы, оставив ожог. Ведьма ударила снова, и снова, в исступлении — сталь визжала, не оставляя на коже младенца ни царапины. Дитя смотрело на неё глазами

трёх воинов сразу — глазами, в которых плескалась древняя, недетская мудрость. И Присцила впервые за триста лет почувствовала, как по позвоночнику ползёт липкий, холодный страх, словно змея вползает под одежду.

Служанка Леся, простая девушка с лицом, измождённым многолетней неволей, с глазами, выцветшими от слёз, увидела это. Она ждала, пока обессиленная яростью ведьма рух-

нет в забытьё — Присцила упала навзничь, раскинув руки, и её дыхание стало хриплым. Леся схватила дитя, завернутое в грубую холстину, и бросилась прочь, по скользким от плесени ступеням, во тьму проклятого леса. Босые ноги хлюпали по грязи, сердце колотилось о рёбра, а стены коридоров сочились влагой и шёпотами прежних жертв.

Погоня не заставила себя ждать. Тьма, посланная Присцилой, текла по земле, как чёрный кисель, обгоняя беглянку, свиваясь в кольца вокруг деревьев, шипя, словно раскалённое масло на сковороде. Но Леся взмолилась духам чащи, и Леший, древний

хозяин леса, откликнулся. Вековые дубы склонили ветви, сплетая над её головой непроницаемый полог, их листья шелестели успокаивающе. Корни вырывались из земли, как гигантские змеи, ставя подножки преследователям, опрокидывая их в овраги. Мох вспыхивал изумрудным светом, указывая путь — мягкое свечение, похожее на россыпь светлячков. Воздух наполнился запахом влажной земли и грибов. На границе Темногорья, где чёрная земля сменялась серой, а гнилостный ветер уступал место просто холодному, Леся упала. Из ран на её

спине, нанесённых шипами и заклятьями, толчками выходила кровь, впитываясь в жадную почву, которая становилась бурой. Младенец у груди был жив и тих, только глаза его слабо светились.

Леший передал ребёнка своим волкам —

огромным, белоглазым, с шерстью цвета пепла. Они бережно понесли свёрток к воротам Белогорья, ступая бесшумно, как тени, их дыхание вырывалось облачками пара в предрасветном холоде. Леся умерла, но перед смертью успела коснуться лба младенца и прошептать молитву. И этот шёпот пронзил ткань миров, пробудив в Нави древний дух — богатыря Алексея, славного предка, павшего много веков назад в битве против кочевников. Отныне он — хранитель Борислава, его незримый защитник и наставник.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: БЕЛОГОРСКИЙ ПРИЁМЫШ

Глава 1. Княжий суд

Волки пришли на рассвете. Они положили свёрток у самых ворот и растворились в тумане, который в этот час стелился над Белогорьем, точно пар над гигантским котлом. Туман был густым и белёсым, он цеплялся за дубовые частоколы, делая город похожим на призрачный остров посреди молочного моря. Пахло свежей выпечкой, смолой и речным илом — к этим запахам примешивался аромат нагретого солнцем дерева и мокрой от росы травы.

Стража на воротах — двое дюжих молодцев в стёганных доспехах — поначалу приняла свёрток за чью-то глупую шутку. Мало ли, подкидыши случались. Но когда они развернули грубую холстину и увидели младенца, чьи глаза слабо светились в полумраке, шутки кончились.

— Это что ж такое? — пробормотал первый стражник, мужик с рыжими усами, похожими на растрёпанный веник. — Глаза-то светятся, как у кошки. Не иначе, колдовство.

— Не каркай, — оборвал его второй, сутулый и жилистый, вытирая нос рукавом. — Князю доложим. Он разберётся. Может, это нам награда какая? Или испытание?

Младенца, который не плакал, а только внимательно смотрел на всё вокруг, отнесли в терем. По пути к ним присоединился княжеский писарь — суетливый человечек в заляпанном чернилами кафтане, который постоянно поправлял очки на носу и бормотал: «Надо записать, надо записать... время, место, обстоятельства... ох, чернила кончаются...»

Княжеский терем, сложенный из вековых

брёвен, потемневших от времени и непогоды, стоял в центре Белогорья. Его стены помнили осады и пиры, а крыльцо было украшено резными столбами с фигурками медведей и птиц. Внутри, в главном зале, было тепло и дымно. Огонь в огромном очаге гудел, пожирая берёзовые поленья, и отблески пламени плясали на бревенчатых стенах, заставляя тени плясать. Над очагом висел чугунный котёл, в котором что-то булькало, распространяя запах тушёного мяса и пряностей.

Князь Белогор, грузный муж с окладистой бородой, в которой уже серебрилась седина, сидел на резном троне, украшенном фигурками зверей и птиц. Он только что закончил завтрак и теперь вытирал руки расшитым рушником, когда в зал ввели стражу с младенцем. Лицо князя, обычно

добродушное, выражало крайнюю степень удивления.

— Это ещё что такое? — прогудел он, приподнимаясь. — Докладывайте.

Рыжеусый стражник, запинаясь, рассказал о волках, о странном свёртке и о светящихся глазах младенца. Князь слушал, хмуря брови. Он взял дитя на руки. Младенец оказался на удивление тяжёлым и горячим, словно в нём тлел уголёк. Князь почувствовал, как от маленького тельца исходит слабая, но ощутимая вибрация, будто внутри билось не одно сердце, а три.

Рядом с тронном, по правой руку, стояли трое старших богатырей Белогорья: Добромир, Святозар и Ратибор. Их доспехи тускло мерцали в свете факелов, а на лицах

застыло сомнение, будто они нюхали что-то гнилое. Добромир, самый старший из них, с лицом, изрезанным шрамами, как старая кора, первым нарушил молчание:

— Князь, это дитя пахнет Темногорьем. Я чую запах серы и ведьмовской крови. От него веет Тьмой. Его нужно убить, пока он не принёс беды на наши земли.

Святозар, воин с длинными светлыми волосами и суровым взглядом, кивнул, положив руку на рукоять меча. Ратибор, самый молодой из троих, молчал, но его пальцы нервно барабанили по нагруднику.

Князь медлил. Он смотрел на младенца, и тот смотрел в ответ — не плакал, не улыбался, а просто глядел, словно понимал всё, что происходит. В этом взгляде было что-

то тревожное, но и что-то удивительно ясное. Князь вспомнил своего покойного отца, который учил его не рубить сплеча, а всегда искать мудрый совет. Он поднял голову и громко, на весь зал, произнёс:

— Позвать Бабу Ягу.

Писарь, который всё это время суеился за спинами богатырей, поспешно записал в свою книжечку: «Призвать Ягу». Но от волнения он посадил кляксу, выругался сквозь зубы и принялся дуть на страницу, пытаясь высушить чернила.

Ждать пришлось недолго. Баба Яга не пришла — она явилась. Просто возникла из тени в углу зала, где секунду назад не было никого, кроме пыльной паутины. Сухая, сгорбленная старуха в длинном платье из

грубой мешковины, с клюкой из чёрного дерева, на вершине которой тускло мерцал болотный огонёк. Её лицо было изрезано морщинами, как кора старого дуба, но глаза сияли молодым, пронзительным светом. От неё пахло сушёными травами, дымом и чем-то звериным — волчьей шерстью или медвежьим жиром.

— Ну? — проскрипела она, стукнув клюкой об пол. Каменные плиты отозвались глухим гулом. — Чего звали? Только собралась чайку попить с мухоморами, а тут вы.

Князь, привыкший к манерам старой отшельницы, протянул ей младенца. Яга склонилась над ним, долго молчала, потом провела костяным пальцем по его лбу. Её губы зашевелились, но слов никто не разобрал. Вдруг она резко выпрямилась, и

огонёк на её клюке вспыхнул ярче.

— Из Тьмы рождённый станет Свету щитом, — произнесла она громко и отчётливо. — Но Тьма его не отпустит. Кровь матери позовёт. Как распорядится — его выбор, не наш.

Она обвела взглядом богатырей и князя, и в этом взгляде читалась вековая мудрость, смешанная с лёгким презрением к человеческой глупости.

— Оставить, — добавила она. — Пусть живёт. Но следить за ним буду я. Если Тьма в нём проснётся и возьмёт верх, я сама приду и закончу то, что не смогла сделать его мать. Но пока он всего лишь дитя. Не вам судить о том, что ему суждено.

Богатыри зароптали, но спорить с Ягой никто

не решился. Князь вздохнул с явным облегчением и кивнул.

— Да будет так. Мальчишку оставить. Кормить, поить, растить. Если Тьма проснётся — убьём без колебаний. А пока — он под моей защитой.

Яга усмехнулась, показав кривые жёлтые зубы, и снова стукнула клюкой. На этот раз по полу побежала тонкая трещина, из которой вырвался зеленоватый дымок.

— Вот и ладно, — сказала она и, повернувшись к теням, добавила: — А ты, Леся, не бойся. Мальчик будет жить. Ты своё дело сделала. Отдыхай.

Никто, кроме неё, не услышал тихого вздоха облегчения, который пронёсся по залу и

растаял в дыму очага. Леся была отмщена.

В тот же день, когда солнце уже клонилось к закату, разливая по небу золото и багрянец, младенца окрестили Бориславом — так, как назвала его мать. Никто не знал, что этот день изменит судьбу не только Белогорья, но и всего мира. А пока маленький Борислав лежал в колыбели, сколоченной из дубовых досок, и смотрел на пляшущие тени на потолке. Где-то

далеко, в Нави, пробудился древний дух — богатырь Алексей, который отныне стал его незримым хранителем. Но до первой встречи с ним пройдёт ещё много лет.

Писарь, закончив свою запись, пробормотал: «Рождён в Вальпургиеву ночь... мать — ведьма... сила трёх... ох, чует моё сердце, быть беде...» — и, спохватившись, зачеркнул

последние слова. На всякий случай.

Глава 2. Детство с Жихарем

Семь лет пролетели над Белогорьем, словно стая перелётных птиц, — быстро и почти бесследно. Для всех, кроме Борислава. Для него каждый из этих семи лет тянулся, как долгая зима. Мальчик рос в городе, который казался ему большой, но неуютной клеткой. Над крепостными стенами, сложенными из посеревшего от времени дуба, вечно нависали тяжёлые, свинцовые тучи — край жил в ожидании угрозы с востока. Дожди здесь шли часто, и вода днями барабанила по деревянным крышам, смывая с них мох и выбивая в земле под стрехами глубокие канавки. Камни мостовых были

отполированы до зеркального блеска, и в них, как в тёмной воде, отражались хмурые прохожие. В сточных канавах, журча, бежала вода, унося лепестки яблоневого цвета из княжеского сада — единственное, что напоминало о быстротечной весне.

Борислав не понимал своей силы. Она была подобна дикому зверю, запертому в тесной клетке его тела. Дверные ручки, кованные, с хитрым узором, гнулись в его ладонях, как воск,

стоило лишь чуть сжать пальцы. Каменные ступени, ведущие на стены, крошились под его ногами с сухим, неприятным хрустом. Кони, завидев его издали, начинали всхрапывать и бить копытами, шарахаясь в стороны, и даже старый конюх Дорофей, знавший лошадей лучше, чем людей, только разводил руками,

бормоча что-то о «волчьем духе». Дети, жестокие в своей прямоте, дразнили его «ведьминым отродьем» и при первой возможности швырялись гнилыми яблоками, чьи ошмётки оставались на его рубахе.

Богатыри сторонились его, предпочитая делать вид, что мальчика не существует. Князь хоть и был добр, но держал дистанцию, словно между ним и воспитанником стояла невидимая стена. Лишь Баба Яга изредка навевалась в терем. Она появлялась всегда внезапно, молча осматривала мальчика, заглядывала в его глаза, отчего по спине у Борислава пробегал холодок, и так же внезапно исчезала, не проронив ни слова. Только однажды, уходя, она обронила, обращаясь к князю: «Тьма в нём спит. Но одиночество

может разбудить её быстрее любого заклятья». Князь выслушал, но ничего не изменил.

Самой большой трагедией для Борислава стало событие, случившееся в один из душных летних вечеров, когда воздух был густым и липким от надвигающейся грозы. Он помогал на конюшне, просто чтобы быть чем-то занятым, и случайно опёрся плечом на опорную балку, чтобы перевести дух. Раздался оглушительный треск. Балка, не выдержав чудовищной силы,

переломилась, как сухая ветка, а за ней с ужасающим грохотом рухнула вся секция крыши. Брёвна и доски посыпались вниз, подняв в воздух тучу пыли и соломы, которая закружилась, словно золотая метель. Лошади с диким ржанием сорвались с привязи, а Борислав так и остался стоять в центре разрушения,

оглушённый, но невредимый, осыпанный с головы до ног трухой. С того дня он старался ни к чему не прикасаться, всё больше замыкаясь в себе и проводя время в каморке под крышей.

Каморка была крошечной, с низким потолком, до которого он мог легко дотянуться рукой. В углу стоял тюфяк, набитый соломой, у стены — грубо сколоченный табурет, а под застрехой уютилось маленькое оконце, из которого было видно лишь клочок неба да верхушки яблонь. Борислав часто лежал на тюфяке, глядя, как лунный свет сочится сквозь щели в кровле, рисуя на полу серебряные полосы. В эти минуты он чувствовал себя самым одиноким существом на свете. Он думал о матери, о которой почти ничего не знал, но чувствовал, что в его рождении кроется

какая-то страшная тайна.

В одну из таких ночей, когда тишину нарушало лишь завывание ветра в трубе да мерный стук дождя по крыше, всё изменилось. Борислав лежал без сна, глядя в темноту, как вдруг услышал странный шорох. Куча соломы в углу зашевелилась, словно там копошилась мышь.

Мальчик сел на тюфяке, вглядываясь в темноту. Шорох усилился, и из соломы, чихая и отплёвываясь, выбралось странное существо.

Оно было ростом с кошку, лохматое, в одних портах, перемазанных сажей, и с соломой в волосах, которая торчала во все стороны, делая его похожим на маленький взъерошенный стог. Глаза его сияли в темноте озорным, чуть желтоватым светом,

а на лице, покрытом мелкими морщинками, застыла широченная улыбка от уха до уха.

— Ну, парень, ты даёшь! — воскликнуло оно скрипучим, но весёлым голосом, отряхиваясь от пыли. — Всю солому в труху! Я уж думал, так и задохнусь там под развалинами твоей конюшни! Я такого веселья лет триста не видел! Сначала конюшню развалил, теперь чуть весь терем не обрушил! Ты, я смотрю, парень с размахом!

Борислав, раскрыв рот, смотрел на это чудо. Он не чувствовал страха, лишь безмерное удивление. — Ты... кто? — прошептал он.

Существо захихикало, уперев руки в бока. — Я-то? Я Жихарь, домовый здешний! Хранитель очага, невидимый помощник,

ночной проказник и просто красавец, как ты мог заметить. Живу в этом тереме уже триста лет, знаю каждую половицу, каждую щель, каждую мышь по имени. Твою, например, зовут Глафира. Она на тебя обижается — говоришь во сне и мешаешь ей спать. А скучно у вас тут было — жуть! Всё чинно, благородно, князь с утра до ночи важный, бояре важные, даже тараканы и те важные, без чувства юмора. А с тобой, я чувю, весело будет! Меня, кстати, Жихарем кличут. А тебя как?

— Борислав... — всё ещё запинаясь, ответил мальчик.

— Борислав... — протянул домовый, почёсывая затылок. — Скучное имя. Тебе, с твоим-то талантом к разрушениям, другое нужно. Будешь Борька-бурелом! Звучит? То-

то же. Так вот, Борька-бурелом, не бойся меня. Я тебе зла не желаю. Я, знаешь ли, люблю, когда в доме шум, гам да веселье. А тут тишина, как в погребё... тоска смертная.

Он подошёл ближе, бесцеремонно взобрался на табурет и принялся рассматривать мальчика с нескрываемым любопытством. — Худющий ты, как щепка. И глаза грустные. Это неполадок. Ну ничего, я тебя вмиг развеселю. Хочешь, фокус покажу? Могу сделаться невидимым. Или могу пробраться на кухню и стащить нам пряников. Повариха, тётка Глафира, такая рассеянная, что у неё даже своё имя стащить можно, не то что пряник. А знаешь, где у неё тайник с леденцами? За кадушкой с мукой! Но туда белки лазают, я их гоняю по вторникам.

С этой ночи Жихарь стал его единственным

другом. Он оказался кладезем невероятных историй, которые рассказывал, сидя на при-
толке и болтая босыми пятками. Он знал, почему скрипят старые лестницы (это они вздыхают
о прошлом), о чём шепчутся на чердаках голуби (сплетничают о котах), и куда уходят тени,
когда гаснет свет (туда, где темно, Борька, куда ж ещё?). Он учил мальчика не бояться своей
силы, а смеяться над ней.

— Ты силу в себе не души, а направляй, — наставлял он. — Лучше разломай что-нибудь ненужное и посмейся над этим, чем сидеть и трястись от страха. Вот, к примеру, старый княжеский ночной горшок, что в кладовке пылится. Князь им всё равно не пользуется, он у нас человек современный. А ты его — хрясь! И настроение поднимется, и место в кладовке освободится.

Он плёл из соломы смешные, кривобокие фигурки: медведя без одного уха, лошадь с тремя ногами, курицу, похожую на разбухшую репу. — Это, — говорил он, вручая их Бориславу, — твои верные соломенные богатыри. Они тебя от любой тоски защитят. Этому эскадрону сам Кощей не страшен! У них оружие — смех, а против смеха ни одно заклятье не устоит.

Он таскал для Борислава пряники с княжеской кухни, с удивительной ловкостью уворачиваясь от поварихи и её тяжёлой скалки. — Главное в этом деле, — учил он, жуя добычу, — наглость и хорошая реакция. А если всё же попался под горячую руку, делай вид, что ты — не ты, а случайно залетевшая в окно сова. Иногда прокатывает. Правда, потом могут заставить

ловить мышей, но это уже детали.

Кикимора, придворная интриганка, жившая за старым сундуком в девичьей, Жихаря на дух не выносила и при встрече шипела, называя «позором нечисти», «балаганным шутком» и «нарушителем спокойствия». На что Жихарь с неизменной улыбкой отвечал: «Зато я весёлый

позор! А ты — унылая вредительница. Твои козни даже мыши на смех поднимают!» и, довольный, отправлялся по своим делам.

Иногда, когда Борислав, уставший от дневных забот, засыпал, а Жихарь замолкал, убаюканный собственной болтовнёй, мальчик снова чувствовал то самое тёплое присутствие, которое сопровождало его всю жизнь. Словно кто-то большой и сильный стоит за плечом, невидимый, но ощутимый,

как тепло от печи. Но стоило ему обернуться, как за спиной никого не оказывалось, лишь лунный свет рисовал на стене силуэт, отдалённо напоминающий воина в старинном шлеме. Это Алексей, его далёкий предок, хранил его сон, не желая вмешиваться раньше времени, но давая понять, что он рядом.

Так прошло ещё несколько лет. Борислав рос, и вместе с ним росла его сила. Но теперь он знал, что одиночество отступило. У него появился маленький, шумный, вечно попадающий в неприятности, но преданный друг. И от этого жизнь стала казаться не такой уж серой. В конце концов, как любил повторять Жихарь, «смех — это то единственное оружие, которое разит саму Тьму без промаха». И Борислав начал понемногу учиться этим оружием

пользоваться.

БОРИСЛАВ. ПЕПЕЛ ВАЛЬПУРГИЕВОЙ НОЧИ

Жанр: тёмное славянское фэнтези, героический эпос, драма, приключения

Мир: Темногорье и Белогорье

—————

Глава 3. Люсия

Прошло ещё десять лет. Десять долгих, полных трудов и разочарований зим, десять стремительных, но горьких вёсен. Борислав превратился в юношу исполинского роста, с руками, способными без труда гнуть подковы и разрывать цепи, и глазами цвета грозового неба, в которых, если приглядеться, иногда вспыхивали золотые искры — отголоски той невероятной силы,

что дремала внутри. Он возвышался над большинством богатырей, и лишь трое старших воинов могли смотреть ему в глаза на равных. Его поступь была тяжёлой, а голос — низким и рокошущим, как отдалённый гром.

Белогорье вокруг него жило своей шумной, суетливой жизнью, которая текла мимо, словно река мимо одинокого валуна. На торгу, раскинувшемся на главной площади, с утра до

ночи кричали зазывалы, расхваливая свой товар. Там пахло свежей, только что выловленной рыбой, которую выкладывали на лотки из больших плетёных корзин; дёгтем и кожей из лавки шорника, где вечно висели хомуты всех размеров; пряностями и сушёными фруктами, привезёнными заморскими купцами, которые носили яркие, непривычные глазу

одежды и говорили с чудным акцентом. С реки, когда дул западный ветер, тянуло прохладой и тиной.

Особенно красива была Зачарованная река, огибавшая город с запада широкой серебряной дугой. По утрам над ней вставал туман — густой, как простокваша, непроглядной белой стеной скрывавший противоположный берег. В этом тумане, как рассказывали старики, мелькали бледные силуэты русалок, расчёсывавших свои длинные зелёные волосы и певших тихие, заунывные песни, от которых щемило сердце. Никто из горожан не ходил к реке на рассвете, боясь быть утянутым на дно. Но Борислава это не пугало. Он часто приходил туда перед закатом, садился на старый, замшелый валун и смотрел, как заходящее солнце красит воду в цвета расплавленного

золота и багрянца. Это было единственное время, когда он чувствовал что-то похожее на покой.

Люсия, дочь старого мельника Тихона, была тонкой, как тростинка, девушкой с глазами цвета речной воды — глубокими, прозрачными, и в них, казалось, плескалась тихая, затаённая печаль. Она жила с отцом на мельнице, что стояла на отшибе, у самой воды. Их дом, большой

и скрипучий, был пропитан запахом муки и речной сырости, а колесо мельницы неустанно вращалось днём и ночью, издавая монотонный, убаюкивающий скрип. Волосы Люсии, цвета спелой пшеницы, она заплетала в длинную косу, которую перекидывала через плечо.

Она впервые увидела Борислава, когда ей было четырнадцать, и с того дня её сердце

принадлежало только ему. Он был так не похож на других: огромный, мрачный, одинокий, словно отмеченный какой-то высшей, трагической силой. Она не боялась его, как другие девушки, которые при его появлении хихикали и прятались за спинами подруг. Она чувствовала его глубинную печаль, и ей хотелось хоть как-то его утешить. Она была уверена, что за грубой внешностью скрывается доброе и ранимое сердце, которое просто никто не пытался разглядеть.

Каждый день, в одно и то же время, она приходила на тренировочный двор — обширную утопанную площадку, где обычно упражнялась княжеская дружина. Она садилась в тени старой раскидистой липы, что росла у частокола, и молча наблюдала. Она оставляла у тренировочного столба,

который Борислав неизменно изрубал в щепу, скромное подношение: глиняную крынку холодного молока и краюху свежего, ещё тёплого хлеба, который пекла сама. Оставив дары, она тут же убегала, пряча покрасневшее лицо в платке, и её светлые косы мелькали среди зелени, как всполох солнца.

Борислав замечал её. Краем глаза он видел и хрупкую фигурку в тени липы, и скромные подарки у столба. Но он был слишком поглощён своей внутренней борьбой. Дни его проходили в попытках доказать свою полезность, в изнурительных тренировках, в попытках подавить ту Тьму, что он ощущал в глубине души. Он думал, что любовь, семья — это не для него. Что он чудовище, которое может лишь разрушать. Что любой, кого он полюбит, будет обречён. Поэтому он приучил

себя не обращать внимания на добрые знаки, и с каждым днём это равнодушие давалось ему всё легче.

Осень в тот год выдалась особенно красивой и печальной. Леса вокруг Белогорья окрасились во все оттенки золотого и багряного, воздух стал прозрачным и звонким. А затем началась череда затяжных дождей, превративших дороги в месиво. Небо неделями оставалось затянутым серой пеленой, и мир погрузился в уныние.

В один из таких промозглых вечеров, когда ветер завывал в трубе, срывая с деревьев последние листья, а холод пронизывал до костей, в Белогорье был княжеский пир. В главном зале терема, освещённом сотнями свечей, было тепло и шумно. Столы ломились от яств, рекой лилось вино и

хмельной мёд. Звучала музыка, и несколько пар уже кружились в танце. Борислав, как обычно, стоял в стороне, прислонившись спиной к стене у огромного очага, и с каменным лицом наблюдал за чужим весельем, чувствуя себя здесь лишним.

Люсия тоже была на этом пиру. Она надела своё лучшее платье — простого кроя, но расшитое по подолу васильками, — и долго собиралась с духом. Она видела, как он одинок, и

решилась. Протиснувшись сквозь толпу, она подошла к нему. Сердце её колотилось так громко, что, казалось, заглушало музыку.

— Борислав, — тихо произнесла она, впервые решившись заговорить. Её голос дрожал.
— Ты, наверное, устал стоять. Может, хочешь пирога с вишней? Я сама пекла...

Борислав повернул голову. Он был погружён в свои мрачные мысли, вновь и вновь прокручивая в голове слова Яги о его тёмной сути. В этот момент его позвал один из гридней, прося помочь с какой-то проблемой у конюшни. Борислав скользнул по лицу девушки невидящим взглядом, пробормотал: «Не сейчас», — и, оттолкнувшись от стены, просто ушёл прочь, даже не заметив, с кем говорил.

Для него это был лишь мимолётный эпизод, один из сотен. Для Люсии же мир рухнул. Последняя надежда, теплившаяся в её сердце, погасла. Она выскользнула из душного зала на улицу, не чувствуя ни ледяного ветра, ни дождя, что тут же хлестнул её по лицу.

Она шла к Зачарованной реке, не разбирая дороги, спотыкаясь в грязи. Вокруг не было ни души. Только вой ветра в голых ветвях и шум дождя. Она стояла на скользком берегу, глядя, как чёрная вода беззвучно течёт в ночи, покрытая рябью от дождя. Она плакала так долго, так горько и так тихо, что река услышала её слёзы. Вода сомкнулась над ней без всплеска — лишь круги разошлись по глади и угасли, нарушенные каплями дождя.

Утром дождь стих. Мельник Тихон, обнаружив пропажу, поднял тревогу. Люди обыскали весь город. И лишь старый рыбак, проверявший сети, заметил у самого берега, под свисающими ветвями плакучей ивы, белый платок. Он ещё хранил слабый запах полевых трав и был заботливо расшит буквами «Л.Б.» — Люсия и Борислав. Река

приняла её, сделав Утопленницей — духом вечной печали. Теперь её удел — вечно бродить в тумане, среди камышей, и слёзы её смешались с речной водой.

Борислав узнал обо всём от Жихаря только через три дня. Домовой пришёл к нему в каморку под утро. Вид у него был подавленный и непривычно тихий. Он мялся у порога, не зная, как начать, и наконец выпалил всё, что случилось. В первую минуту Борислав не поверил. Он выскочил из терема и, не разбирая дороги, побежал к реке. Там, у старого валуна, где он так часто сидел по вечерам, он упал на колени во влажный песок и закричал, глядя, как предрассветный туман клубится над водой:

— Прости меня! Я не знал! Я ничего не знал!

Его крик разнёсся над водой, отразившись от далёкого леса, и затих. В ответ — лишь тишина и плеск волн. Но затем вода у берега пошла кругами, и из неё, прямо из глубины, поднялась бледная, почти прозрачная рука. А затем раздался тихий, как шелест камыша, голос, который, казалось, исходил отовсюду:

— Я знаю, что не знал. Простить-то я простила... да только дно речное прощения не даёт. Иди, Борислав. Твоя любовь впереди. Моя — позади.

Это был первый рубец на его душе, глубокий и кровоточащий. Первое невинное существо, погибшее из-за его слепоты. Он долго сидел на берегу, обхватив голову руками. Солнце поднялось, разогнало туман, но тепла не принесло. Внутри поселился холод. Жихарь, тихо подошедший сзади, сел рядом на валун,

долго грыз травинку, не зная, что сказать. Все его шутки, обычно готовые сорваться с языка, казались сейчас кощунственными. Наконец он произнёс почти шёпотом:

— Она сама выбрала эту реку, Борька. Глупо, по-девичьи, отчаянно, но — сама. Ты её не топил. И... и мы не всегда можем спасти тех, кто сам не хочет быть спасённым. Просто помни о ней. И когда-нибудь, я знаю, ты вернёшь этот долг.

Борислав ничего не ответил. Он поднялся, тяжело, как старик, и побрёл обратно в город. В его груди словно что-то оборвалось и замерло. Он решил, что больше никогда и никого не подпустит к себе близко, чтобы снова не стать причиной горя. С того дня его сердце окружила ледяная броня, пробить которую будет очень непросто. А дух Люсии,

прекрасный и печальный, навсегда остался у Зачарованной реки, ожидая того дня, когда сможет помочь ему в самой важной битве.

БОРИСЛАВ. ПЕПЕЛ ВАЛЬПУРГИЕВОЙ НОЧИ

Жанр: тёмное славянское фэнтези, героический эпос, драма, приключения

Мир: Темногорье и Белогорье

—————

Глава 4. Уроки мёртвой воды

Князь Белогор был мужем суровым, но справедливым. Он видел, как с каждым днём Борислав всё больше уходит в себя, как мрачнеет его взгляд и как тяжелеет поступь. Трагедия с дочерью мельника не прошла мимо княжеских ушей — в тереме только и говорили, что о бедной девушке,

утопившейся от неразделённой любви к «ведьминому отродью». Князь понимал: ещё немного, и парень сломается под грузом вины, а сломленный Борислав с его-то силой — это не просто беда, а катастрофа для всего Белогорья.

Посоветовавшись с богатырями, которые лишь мрачно переглядывались, князь принял решение. Он вызвал Борислава в тронный зал и, глядя ему прямо в глаза, сказал:

— Хватит тебе тут бродить, как неприкаянному. Отправляйся к Бабе Яге. Она живёт в чаще, за Дремучим лесом. У неё научишься тому, чему мы тебя научить не можем. Ступай и без победы над собой не возвращайся.

Борислав молча поклонился и вышел. Жихарь, крутившийся рядом, тут же засуетился:

— К Яге? Вот это поворот! Я с тобой! Нет, не с тобой — я туда не пойду. У неё избушка на курьих ножках, а куры — они меня недолюбливают. У нас с ними давняя вражда. Меня один петух ещё сто лет назад клюнул в...

— Я пойду один, — перебил его Борислав. В его голосе не было ни грубости, ни злости — только свинцовая усталость. — Так надо.

Жихарь осёкся, вздохнул и неожиданно серьёзно сказал:

— Ну, как знаешь. Только возвращайся, Борька-бурелом. Мне без тебя тут скучно

будет. Тараканы моих шуток не ценят, а Кикимора только шипит в ответ. Ты уж постарайся не пропасть там, в чаще. И не ешь у неё мухоморы, даже если предложит. Особенно если предложит!

Он ободряюще хлопнул Борислава по плечу, хотя едва дотянулся до его локтя, и быстро зашмыгал носом, делая вид, что ему просто соринка в глаз попала.

Путь до избушки Яги занял три дня. Сначала Борислав шёл через знакомый Дремучий лес, где вековые дубы стояли, как безмолвные великаны, покрытые мхом и лишайником. Солнечный свет пробивался сквозь густые кроны лишь изредка, рисуя на земле золотые узоры. Под ногами хрустели жёлуди и сухие ветки. Здесь ещё пели птицы и слышался стук дятла.

Но чем дальше он углублялся в чащу, тем мрачнее становился лес. Деревья изменились: дубы и ясени сменились чёрными елями, чьи ветви, покрытые густой тёмно-зелёной хвоей, сплетались так плотно, что закрывали небо, погружая лес в постоянный сумрак. Воздух стал холоднее и неподвижнее, наполнившись запахом сырой земли, грибов и чего-то сладковато-гнилостного. В этом лесу не было слышно птиц — только ветер, гудевший в еловых ветвях, звучал, как протяжный стон какого-то огромного, заточённого в земле зверя. Земля здесь была усыпана не листьями, а толстым слоем хвои, в которой утопала нога, и побелевшими от времени костями мелких животных — зайцев, белок, а иногда и тех, кто был крупнее.

Наконец среди этого мрака Борислав увидел поляну. Вернее, не поляну — просто место, где ели расступались, образуя неровный круг. В центре этого круга, слегка покачиваясь, стояла та самая избушка на курьих ножках. Вид её был одновременно нелепым и пугающим. Огромные, чешуйчатые, как у исполинской курицы, ноги беспрестанно переступали, утапывая мухоморы и оставляя в земле глубокие борозды. Сама избушка, сложенная из потемневших брёвен, была покрыта замшелой крышей, с которой свисали пучки сушёных трав. Единственное окно

светилось тусклым, зеленоватым светом, а из трубы, криво сидящей на крыше, вился тонкий дымок, пахнувший не дровами, а какими-то незнакомыми, пряными и терпкими зельями.

Борислав вспомнил наставления Жихаря и

произнёс заветные слова, которым тот его научил. Слова были старые, почти забытые, и звучали странно, но едва они слетели с его губ, избушка замерла. Ноги перестали переступать. С отвратительным скрипом, похожим на крик ночной птицы, избушка повернулась к Бориславу передом, а к лесу — задом. Тяжёлая дверь, обитая ржавым железом, с тяжёлым вздохом отворилась.

— Ну, заходи, коли пришёл, — раздался из темноты знакомый скрипучий голос. — Чего на пороге топчешься, как медведь у пчельника? Только ноги вытри, а то у меня пол чистый.

Борислав, пригнувшись, чтобы не задеть притолоку, шагнул внутрь. Внутренность избушки поразила его своим контрастом с внешним видом. Здесь было на удивление

просторно и... уютно. В углу, занимая почти четверть помещения, возвышалась большая белая печь, сложенная из гладкого камня, на которой, свесив ноги в лаптях, сидела сама Баба Яга. На печи было разложено пёстрое лоскутное одеяло и несколько подушек. Вдоль стен тянулись полки, заставленные бесчисленными горшочками, крынками, пучками трав и глиняными фигурками. Под потолком висели связки чеснока, лука и каких-то неведомых кореньев. Посередине стоял массивный дубовый стол, заваленный свитками и инструментами, а над ним, в

воздухе, сам по себе парил небольшой котелок, в котором что-то булькало, испуская зеленоватый пар.

Пахло здесь сушёной мятой, чабрецом, берёзовым веником, грибами и чем-то кисловатым — не то прокисшим молоком, не

то старым вином. Яга, одетая в просторное серое платье, поверх которого был повязан заляпанный передник, помешивала в котелке длинной деревянной ложкой. Её седые волосы были спрятаны под платком, а на носу сидели очки с толстыми линзами.

— Садись, — буркнула она, не оборачиваясь, и указала ложкой на табурет у стола. — Рассказывай, зачем пожаловал. Только покороче, у меня суп убежит.

Борислав сел, чувствуя, как табурет жалобно скрипнул под его весом, и рассказал всё: о своей силе, о гневе, который закипал в нём в минуты опасности или обиды, и о Люсии, чья смерть тяжким грузом лежала на его душе. Яга слушала молча, не перебивая, продолжая помешивать зелье. Когда он закончил, она наконец повернулась и сняла

очки.

— Ярость — это хорошо, — произнесла она, уставившись на него своими пронзительными глазами. — Ярость — это топливо для воина. Но ты — не просто воин. В тебе сидит сила трёх. Если ты дашь своей ярости выход, ты сожжёшь не только врагов, но и себя, и всех, кто рядом. Ты станешь таким же чудовищем, как твоя мать. Поэтому учиться ты будешь не

мечом махать. Ты будешь учиться держать себя в узде. Будешь учиться терпению. Начнём с самого простого.

Она повела его на берег Зачарованной реки, что протекала как раз за избушкой, скрытая зарослями ольхи и плакучих ив. Берег здесь был топким, поросшим густой осокой и камышом. Вода была тёмной и маслянистой,

почти чёрной у берегов, и лишь на середине реки, куда падал свет, она отливала зеленоватым блеском. По поверхности то и дело пробегали круги, хотя рыбы здесь не водилось — во всяком случае, обычной.

— Вот тут и будешь сидеть, — сказала Яга, указав клюкой на большой плоский валун у самой воды, покрытый скользким мхом. — Каждый день. С утра до вечера. Смотреть на воду. Слушать тишину. И ждать. Если из реки кто вылезет — не бойся. Они тебя тронуть не посмеют. Но ты и сам к ним не лезь. Просто сиди и думай. О себе. О своей силе. О тех, кто погиб по твоей вине. Пока не поймёшь, что ярость — это не оружие, а цепь, которой ты сам себя приковал.

И Борислав сидел. День за днём, неделю за неделей. Он сидел на холодном, скользком

валуне, глядя, как по чёрной глади воды скользят водомерки, как из глубины поднимаются пузырьки болотного газа и лопаются с тихим, чавкающим звуком, как под водой проплывают смутные тени — то ли крупные рыбы, то ли кто-то ещё. Он думал о Люсии, о её молчаливой любви, которую он не замечал. О матери, которую никогда не знал, но чья кровь текла в его жилах. О трёх богатырях, чья сила была для него и даром, и проклятьем.

Русалки появились на третий день. Сначала он услышал тихий, переливчатый смех, похожий на звон хрустальных колокольчиков. Затем из воды, прямо у его ног, высунулась бледная, как речной жемчуг, рука, а за ней — голова. У русалки были огромные, миндалевидные глаза цвета морской волны, длинные зелёные волосы,

похожие на спутанные водоросли, и бледная, отливающая перламутром кожа. Она улыбнулась, обнажив мелкие, острые зубы. За ней из воды показались ещё две, такие же прекрасные и такие же пугающие.

— Это кто тут у нас? — пропела первая, и её голос был сладок, как патока, и так же вязок. — Новенький? Какой большой и сильный... Иди к нам. У нас на дне хорошо. Тихо. Никто не тревожит. Забудь обо всём. Мы подарим тебе покой.

Её голос звучал в голове Борислава, минуя уши, заполняя всё его существо. Он чувствовал, как непреодолимая сила тянет его в воду. Холодные, скользкие пальцы уже сомкнулись на его лодыжках. Он сопротивлялся, вцепившись руками в края валуна, но сила русалок была велика, а воля

ослаблена тоской. Он почти поддался.

Но в этот момент вода за спинами русалок вскипела и расступилась. Из реки поднялась ещё одна фигура, выше и величественнее остальных. Это была Люсия. Она изменилась: её кожа стала ещё бледнее, почти прозрачной, а волосы — цвета серебристого ила. Но глаза остались теми же — глубокими и печальными, цвета речной воды.

— Оставьте его, — произнесла она, и голос её прозвучал как набат, заглушив сладкие песни. — У него и без вас хватает мучений. А если хоть пальцем его тронете — клянусь, я солью ваши воды в Озеро Слез, и будете вы там вечность рыдать над своей глупостью. Уж я-то слово сдержу.

Русалки отпрянули, зашипев, как рассерженные кошки. Их прекрасные лица исказились злобой, но они ничего не могли поделать. В иерархии утопленниц власть Люсии, подкреплённая силой её неразделённой любви и боли, была выше. Они скрылись в глубине, оставив после себя лишь круги на воде да эхо обиженного шёпота.

Люсия не заговаривала с Бориславом. Она лишь на мгновение задержала на нём взгляд, полный неизбывной тоски, и тут же исчезла в тумане, словно её и не было. Но Борислав знал — она здесь, рядом, и будет охранять его.

Яга, наблюдавшая за этой сценой с берега, опершись на клюку, лишь хмыкнула. Вечером, когда Борислав вернулся в

избушку, она сказала:

— Сильна девка оказалась. Не ожидала. У неё к тебе должок, мальчик. Не любовный — человеческий. Она тебя от смерти спасла. Когда-нибудь и ты отдашь ей этот долг. Это закон.

Прошло несколько месяцев. Борислав научился сдерживать гнев, но не подавлять его. Яга учила его дышать, направлять бушующую силу не на разрушение, а вглубь, в землю. Она показала ему, как превращать ярость в спокойную, несокрушимую уверенность, подобную скале, о которую разбиваются волны. Он похудел, осунулся, но взгляд его стал твёрже и осмысленнее.

Наконец настал день прощания. Яга вручила ему два предмета. Первым был путевой

клубок — размером с яблоко, из мягкой, чуть светящейся в темноте шерсти, которая при прикосновении казалась тёплой и слегка вибрировала в ладони, словно внутри что-то жило.

— Клубок — глаза твои в пути, — наставляла Яга. — Бросишь на землю, и он сам покажется, указывая дорогу в любое место, даже в Кощеево царство, даже в сердце Темногорья. Не потеряй. Он привязан к тебе.

Вторым предметом была дорожная грамота — свиток из толстой, пожелтевшей от времени бумаги, перевязанный красной лентой и скреплённый массивной княжеской печатью из красного воска, на которой был оттиснут герб Белогорья. Печать была тёплой и источала слабый запах ладана.

— Грамота — ключ от запертых дверей, — продолжила Яга. — Открывает любые ворота, гарантирует свободный проход через земли Белогорья и союзных территорий. Береги их пуще меча. Без них ты слеп и глух в чужих краях.

Борислав бережно спрятал дары за пазуху, низко поклонился старухе, благодаря за науку, и направился обратно в Белогорье. Он ещё не знал, что полученные им предметы очень скоро

ему понадобятся, и что потеряет он их при самых неожиданных обстоятельствах, встретив самого странного разбойника в своей жизни.

Глава 5. Первое явление Алексия

В последнюю ночь перед возвращением в Белогорье, когда Борислав разбил лагерь на опушке Дремучего леса, случилось то, чего он ждал всю свою сознательную жизнь, но к чему всё равно оказался не готов.

Он сидел у костра, разведённого на небольшой поляне, окружённой старыми, замшелыми елями. Пламя жадно пожирало сухие ветви, выбрасывая в чёрное, усыпанное яркими звёздами небо снопы оранжевых искр, которые, покругившись в восходящем потоке горячего воздуха, гасли где-то в вышине. Пахло дымом и нагретой хвоей, этот горьковатый аромат успокаивал. Откуда-то из чащи доносилось уханье филина — размеренное, печальное, словно биение сердца самого леса.

Борислав сидел, обхватив колени руками, и

смотрел в огонь. Он думал о Люсии, о Яге, о своём месте в мире. И внезапно пламя взметнулось вверх, словно кто-то подбросил в костёр бочку масла. Языки огня взвились на высоту человеческого роста и начали менять очертания, теряя свою хаотичную природу. Они сгущались, уплотнялись, и через несколько мгновений перед изумлённым Бориславом стояла человеческая фигура, сотканная из живого пламени, которая, впрочем, быстро остыла до ровного, золотистого сияния.

Это был воин. Высокий, широкоплечий, облачённый в кольчугу древнего образца, каждое колечко которой было покрыто тонкой вязью рун, светящихся мягким голубым светом. На плечах его покоился тёмно-синий плащ, застёгнутый фибулой в виде солнца. Голову венчал шлем с

невысоким гребнем, украшенным конским волосом, а спереди была узкая прорезь, из которой исходило то самое ровное, тёплое золотистое сияние. На поясе висел длинный прямой меч в простых, но добротных ножнах. От фигуры не исходило жара — лишь спокойное, умиротворяющее тепло, как от печи в зимнюю стужу. Иней на траве вокруг костра начал таять.

Борислав вскочил на ноги и инстинктивно схватился за меч, лежавший рядом.

— Не бойся, внук. Я не враг, — произнёс воин. Его голос звучал странно: одновременно и в ушах, и где-то глубоко в голове, как эхо в огромной пещере, глухой и раскатистый, но в то же время успокаивающий.

— Кто ты? — выдохнул Борислав.

— Я Алексей, — ответил дух, и в его голосе послышалась гордость. — Богатырь Белогорский. Твой предок. Я пал в битве против кочевников четыреста лет назад, защищая эти земли. Но не ушёл в Навь, не упокоился с миром, как мои братья. Я остался здесь, между мирами, стражем нашего рода. Когда ведьма, твоя мать, хотела принести тебя в жертву, я услышал зов той женщины, что спасла тебя, и явился. С тех пор я рядом с тобой.

Борислав был потрясён. Он опустил меч. — Ты... ты мой предок? Но Присцила... она ведьма. Как в нашем роду мог быть богатырь?

— Она твоя мать по плоти, но дух твой — от моего корня, — терпеливо объяснил Алексей.

— Три богатыря, чья сила сейчас живёт в тебе, — это я и два моих побратима: Горислав и Мирослав. Мы были неразлучны в жизни и пали в одном бою, прикрывая друг друга. Наши души оказались связаны, и когда ты родился, они переродились в тебе. Ты — наша надежда. Ты — наше продолжение. Ты — тот, кто сможет завершить то, что мы не успели.

Алексий, к величайшему изумлению Борислава, медленно и торжественно опустился перед ним на одно колено. Сияние, исходившее от него, на мгновение стало ярче.

— Я буду с тобой до конца твоего пути, — произнёс он. — Я не могу сражаться вместо тебя, это не в моей власти. Но я могу направлять тебя, давать советы, а иногда —

прикрыть от удара, который ты не видишь. Запомни главное: выбор всегда за тобой. Ты сам куёшь свою судьбу, и ни богам, ни бесам этого не изменить.

Фигура Алексия начала мерцать, теряя чёткость, и стала медленно растворяться в воздухе, втягиваясь обратно в пламя костра. Последним исчезло золотистое сияние, оставив после себя лишь запах ладана и лёгкое, едва уловимое свечение воздуха у самой земли.

Борислав ещё долго стоял, глядя в угасающий костёр. Он был один, но впервые за всю свою жизнь он не чувствовал себя одиноким. Теперь он точно знал: за ним стоит сила. Сила его предков. И он не имеет права их подвести. Он подбросил в костёр веток, улёгся на подстилку из лапника и

впервые за много месяцев уснул спокойным, глубоким сном без сновидений. Впереди его ждал долгий путь домой, который, как он смутно догадывался, будет полон опасностей и неожиданных встреч.

—————

Глава 6. Медведь-разбойник Михей

Дремучий лес. Второй день пути от избушки Яги.

Борислав шёл уже второй день. Дремучий лес, по которому лежал его путь, был старым, очень старым — он помнил времена, когда люди ещё не построили Белогорье. Вековые дубы, обхватом в несколько саженей, стояли, как колонны древнего, забытого богами храма. Их кроны, смыкаясь высоко над головой, образовывали густой

зелёный полог, сквозь который лишь изредка, словно сквозь прорехи в старом шатре, пробивались косые лучи послеполуденного солнца. В этих лучах, наполненных золотистой пылью, кружились бесчисленные пылинки и мелкие лесные мошки.

Вокруг царила глубокая, вязкая тишина, нарушаемая лишь редкими звуками. Где-то в вышине, перестукиваясь, перелетала с ветки на ветку невидимая белка, и сбитая ею шишка с

глухим стуком падала на мягкий мох. В кронах деревьев лениво пересвистывались невидимые птицы. Под ногами, пружиня, шуршали прошлогодние листья, перемешанные с сосновыми иголками, и воздух был напоён запахами влажной земли, грибов и сладковатого цветущего вереска. Где-то в овраге тихо

журчал невидимый ручей.

Борислав шёл размеренным, тяжёлым шагом, привычно пригибаясь под низкими ветвями. Меч Митяя, висевший на поясе, мерно покачивался. На душе было спокойно и пусто — уроки Яги притупили острую боль вины, превратив её в тупую, ноющую, с которой уже можно было жить. Он думал о словах Алексия, о своём предназначении и о том, что ждёт его впереди.

В сумерках, когда лес начал наполняться густыми сизыми тенями, а воздух стал ощутимо холоднее, он вышел на небольшую поляну. Поляна была залита мягким, оранжевым светом заходящего солнца, которое как раз пробилось сквозь прореху в листве. В центре поляны возвышался исполинский дуб — настоящий лесной

патриарх, в несколько раз толще своих собратьев. Его кора, грубая и потрескавшаяся, походила на шкуру древнего зверя. В его стволе зияло огромное дупло, размером с добрую дверь, из которого исходило едва заметное тепло. А под дубом, приткнувшись к его могучим корням, стояла бревенчатая берлога, сложенная из толстых, грубо отёсанных брёвен, с дерновой крышей, на которой росла трава и даже пара мухоморов.

Из приземистой каменной трубы вился в небо тонкий дымок, и ветер доносил до Борислава дивный, пьянящий аромат — густой запах свежего мёда, перемешанный с хмелем и лесными травами. От этого запаха у него сразу закружилась голова и приятно засосало под ложечкой.

На пороге берлоги, вальяжно развалился и вытянув вперёд огромные мохнатые ноги, сидел хозяин. Это был бурый медведь поистине исполинского роста — сажени две в холке, не меньше. Шерсть его, густая и лоснящаяся, была тёмно-коричневой, с серебристыми подпалинами на загривке, а лапы, каждая размером с хорошее бревно, венчались длинными, хоть и слегка затупленными, когтями. Одет хозяин был в просторную, расстёгнутую на груди косоворотку, расшитую красными петухами, которая едва не трещала по швам на его могучей фигуре. В одной лапе он держал огромную глиняную кружку, содержимое которой пенилось, а другой почёсывал необъятный живот. Завидев путника, медведь ничуть не удивился. Он широко, по-дружески улыбнулся, обнажив внушительные жёлтые клыки, и поднялся на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.